

На правах рукописи

СЕЛИН Дмитрий Вадимович

**ЭПОХА ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ В ПРАВОБЕРЕЖНОМ
ПРИИРТЫШЬЕ (ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ ПАХОМОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ)**

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск – 2018

Работа выполнена на кафедре археологии и этнографии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирского национального исследовательского государственного университета»

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, академик РАН **Молодин Вячеслав Иванович**

Официальные оппоненты:

Корочкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доцент кафедры археологии и этнографии.

Зах Виктор Алексеевич, доктор исторических наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук – структурное подразделение ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, заведующий лабораторией археологических и природных реконструкций.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН).

Защита диссертации состоится «24» декабря 2018 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Благодаря накоплению источниковой базы исследователями разрабатываются вопросы, связанные с решением проблем генезиса культур в эпоху бронзы, механизмов их взаимодействия между собой. Пахомовская археологическая культура выделена позже других андроновидных культур. До недавнего времени было раскопано небольшое количество памятников этой культуры, что затрудняло интерпретацию полученных материалов и не давало возможности решать вопросы, связанные с генезисом, хронологическими и территориальными рамками, связями с другими культурами и др.

С начала 2000-х гг. начинается постепенное аккумулярование материалов, относящихся к пахомовской культуре, локализованных в левобережном Прииртышье. Результатом этого стал выпуск ряда работ, в каждой из которых была сформирована концепция культуры [Корочкова, 2010; Костомаров, 2010; Ткачев, 2017]. Серия памятников обнаружена в лесостепной части правобережного Прииртышья, которые предварительно были выделены в особый, восточный вариант пахомовской культуры [Молодин, 2010а; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 63; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014]. В отличие от территории Тоболо-Иртышья, в Барабинской лесостепи изучены представительные погребальные и ритуальные комплексы. Благодаря проведенному первоначальному анализу полученных материалов, было определено их своеобразие на фоне автохтонного для этой территории ирменско-позднерменского пласта. Специфика проявляется в материальной культуре, элементах погребальной практики, антропологической и генетической оригинальности популяции.

Благодаря масштабным исследованиям памятников эпохи бронзы Барабинской лесостепи (Тартас-1, Гришкина Заимка), получен качественно новый материал, позволяющий на новом уровне решать вопросы культурной принадлежности и хронологии анализируемых материалов. Также, частично изданные материалы ряда памятников, в первую очередь могильника Старый Сад, стали активно использоваться исследователями в археологических и антропологических работах, что подтолкнуло к подготовке обобщающей монографии по материалам этого памятника [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. К настоящему моменту в литературе наметилось несколько альтернативных точек зрения, интерпретирующих материалы могильника Старый Сад, что делает полный анализ как полученных ранее, так и новых репрезентативных источников и формирование на этой основе общей концепции культуры, актуальным.

За последнее время методический арсенал археологов пополнился новыми способами анализа археологического материала, в первую очередь, с применением методов естественных наук, что значительно расширяет потенциал археологических источников, особенно, керамической посуды.

Обработка керамики пахомовской культуры и ее восточного варианта по единой методике и их последующее сравнение с другими синхронными культурами, даст возможность по-новому взглянуть на проблемы генезиса, культурных связей, хронологии.

Таким образом, материалы восточного варианта пахомовской культуры нуждаются в осмыслении, что позволит дополнить новыми фактами и скорректировать современные представления о культурно-хронологическом соотношении материалов эпохи бронзы Западной Сибири, а также даст возможность решить ряд дискуссионных вопросов, касающихся как пахомовской культуры, так и ряда других, таких как бегазы-дандыбаевская, еловская, карасукская, корчажкинская и др.

Объект исследования – раскопанные поселенческие, погребальные и ритуальные комплексы Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени.

Предмет исследования – восточный вариант пахомовской культуры как особое культурное образование.

Цель исследования – реконструкция культурно-исторической ситуации в Обь-Иртышском междуречье в эпоху поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени.

Поставленные задачи:

1. Проанализировать историю изучения пахомовской культуры и восточного варианта пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье и Барабинской лесостепи и выявить дискуссионные вопросы в изучении пахомовских древностей;

2. Охарактеризовать поселенческие комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;

3. Охарактеризовать погребальные комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;

4. Охарактеризовать культовые комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;

5. Расширить и дополнить типологическую схему керамики с памятников, относимых к восточному варианту пахомовской культуры;

6. Дополнить отличительные черты восточного варианта пахомовской культуры как особого культурного образования;

7. Установить хронологию памятников, относимых к восточному варианту пахомовской культуры;

8. Реконструировать генезис восточного варианта пахомовской культуры.

Хронологические рамки исследования определяются временем существования памятников поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени. Верхняя граница ограничена концом распада андроновской культурно-исторической общности и сложением круга андроновидных культур, а нижняя – началом раннего железного века на

территории Западной Сибири, т.е. интервалом с последней трети II тыс. до н.э. по VIII вв. до н.э.

Территориальные рамки. Барабинская лесостепь, ограниченная с севера Васюганскими болотами, на юге граница проходит по водоразделу р. Карасук и Чулым, на западе естественной границей является р. Иртыш, а на востоке – р. Обь. На севере территориальные рамки включают долину р. Тара и прилегающую часть южнотаежной зоны. Для сравнения привлекались археологические материалы из памятников различных культур с территории Тоболо-Иртышского междуречья, Северной и Центральной Азии.

Источниковую базу исследования составляют:

1. Археологические коллекции поселенческих, погребальных и ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры (Старый Сад, Гришкина Заимка, Гандичевский совхоз, Ложка-6, Туруновка-4, Преображенка-3, Тартас-1, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва, Алексеевка XXI), хранящиеся в фондах ИАЭТ СО РАН, музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, Музея археологии и этнографии ОмГУ, Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрФУ;

2. Археологические коллекции поселенческих комплексов пахомовской культуры (Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII, Инберень IV, Жар-Агач) и погребальных памятников бегазы-дандыбаевской культуры (Дандыбай), хранящиеся в фондах Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрФУ, Музея археологии и этнографии ОмГУ и Государственного Эрмитажа;

3. Архивные полевые отчёты об археологических исследованиях, хранящиеся в научных архивах ИА РАН и ИАЭТ СО РАН.

В диссертационном исследовании используются **термины**, необходимые для описания особенностей погребальной практики и керамической посуды. В работе под основными терминами будем понимать следующее:

- погребальный обряд – система преднамеренных действий, совершаемых в отношении умершего;

- сакральное пространство – совокупность взаимосвязанных археологических объектов, исследованных под одной курганной насыпью;

- вариант культуры – особое историко-культурное образование, содержащее общие черты с основным ареалом археологической культуры, но имеющее локальные отличия в материальной культуре, элементах погребальной практики, планиграфии поселений, конструкции жилищ;

- мотив орнамента – система организации орнамента, включающая тиражирование элементов внутри одного ряда (оттиска штампа, треугольника и др.) [по: Цетлин, 2008, с. 19];

- композиция орнамента – система организации орнамента, включающая сочетание мотивов и зон без орнамента на поверхности сосуда [по: Цетлин, 2008, с. 20];

- венчик – верхний край сосуда;
- горловина – часть сосуда, расположенная между плечом и венчиком;
- плечо – часть сосуда, расположенная между горловиной и туловом;
- придонная часть – часть сосуда, расположенная между плечом и дном;
- тулово – основная емкость сосуда, включающая плечо и придонную часть;
- дно – основание сосуда.

В работе использованы общенаучные, общеисторические и специально–археологические **методы** анализа материала.

Общенаучными методами являются обобщение, аналогия, анализ и синтез полученной из источников и литературы информации, так же к этому уровню можно добавить статистический метод, используемый при анализе материалов памятников.

К общеисторическим причислен сравнительно-исторический метод, используемый при сравнении памятников населения пахомовской, бегазы-дандыбаевской, ирменской, позднеирменской, карасукской, сузгунской, еловской культур и восточного варианта пахомовской культуры.

К специально–археологическим – относятся методы морфологического анализа керамических сосудов, такие как: «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [1973, с. 114–135], изучение соотношения пропорций сосудов [Shepard, 1965], работа с экстремальными точками и графической корреляцией полупрофилей сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014] и определение общей пропорциональности сосудов [Актуальные проблемы..., 1999; Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методы направлены на выявление общих черт традиций изготовления сосудов определенных форм и особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42]. Кроме этого, использовалась отдельно разработанная и апробированная на материалах разных культур методика выделения посуды одного мастера по результатам исследования морфологии форм посуды по «Программе статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [см.: Мыльникова, Селин, 2015; 2017; Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2016].

Технико-технологический анализ исходного сырья и формовочной массы керамики проводился с использованием специального комплекса методов, как археологических, так и естественно-научных, к которым относятся: микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей с эталонной базой экспериментальных образцов, петрографический анализ для определения физико-химических свойств исходного сырья и примесей [Бобринский, 1978; Дребушак, Мыльникова, Дребушак и др., 2006; Цетлин, 2012]. Следует подчеркнуть, что из-за синкретизма орнаментальных мотивов на керамике восточного варианта пахомовской культуры, особо важную роль для понимания особенностей генезиса, уточнения направления культурных связей играет

исследование технологии керамического производства и морфологии сосудов, что дает возможность получить данные, недоступные при анализе только орнаментальной составляющей. Выявленные особенности позволяют на более объективном уровне решать некоторые неочевидные вопросы, возникающие перед исследователем при анализе восточнопахомовской керамики (связь с пахомовской, бегазы-дандыбаевской, ирменской еловской, корчажгинской и другими синхронными культурами).

Для описания особенностей организации сакрального пространства и формы рвов, обнаруженных на погребальных памятниках восточного варианта пахомовской культуры, разработаны классификационные схемы, учитывающие различные варианты сочетания признаков [Мартынов, Шер, 1989; Колпаков, 2013]. Для выделения особенностей коллекции керамики, относимой к восточному варианту пахомовской культуры, расширена и уточнена типологическая схема, в основу которой положены различия сосудов по форме [Клейн, 1991; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

Для определения хронологической специфики памятников применены методы стратиграфии и планиграфии. При выявлении хронологической позиции памятников использовались результаты естественнонаучного датирования археологического материала по изотопу ^{14}C с последующей калибровкой полученных данных в программе OxCal [Ramsey, Lee, 2013].

Научная новизна работы заключается:

1. Во введении в научный оборот в полном объеме данных, полученных в ходе археологических раскопок на памятниках восточного варианта пахомовской культуры;
2. В детальном анализе керамики, обработанной по единой методике с применением методов естественных наук;
3. В разработке классификационных схем, демонстрирующих особенности форм рвов и организации сакрального пространства;
4. В расширении и доработке типологии керамики восточного варианта пахомовской культуры;
5. В выделении особенностей поселенческих, погребальных и культовых комплексов восточного варианта пахомовской культуры;
6. В определении хронологии памятников восточного варианта пахомовской культуры;
7. В уточнении генезиса и направления культурных связей населения восточного варианта пахомовской культуры;
8. В выделении этапов развития восточного варианта пахомовской культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Восточный вариант пахомовской культуры является особым синкретичным культурным образованием, сложившимся на территории Барабинской лесостепи в результате миграций групп пахомовского населения из Тоболо-Иртышского междуречья и их взаимодействия на

территории Барабинской лесостепи с бегазы-дандыбаевскими, ирменскими, позднеирменскими и сузгунскими популяциями.

2. В сложении восточного варианта пахомовской культуры не принимали прямого участия еловская и карасукская культуры, а сходство некоторых элементов материальной культуры между этими образованиями является общеэпохальной тенденцией, свойственной для культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

3. Восточный вариант пахомовской культуры в Барабинской лесостепи датируется в пределах XIV–VIII вв. до н.э. и делится на два этапа – ранний (XIV–X вв. до н.э.) и поздний (X–VIII вв. до н.э.). На раннем этапе материальная культура пахомовского населения еще не приобретает черт, характерных для культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. На позднем этапе материальная культура изменяется под действием, как эпохальных тенденций, так и в результате взаимодействия с населением других культурных групп: автохтонных и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направления.

Научно-практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут использоваться при анализе культурной принадлежности и хронологии материалов конца эпохи бронзы Западной Сибири. Предложенные классификационные схемы применимы для исследования элементов погребальной практики археологических культур. Апробированные на материалах восточного варианта пахомовской культуры методики анализа форм посуды и методы выделения изделий одного мастера могут служить для анализа керамических коллекций. Результаты технико-технологического анализа пахомовской и восточнопахомовской керамики могут стать основой для сравнительного анализа с гончарной технологией других культур эпохи бронзы и раннего железного века. Характеристика культурно-исторических процессов у населения восточного варианта пахомовской культуры может быть использована при написании обобщающих работ по древней истории региона, а также при подготовке специальных лекционных курсов и музейных выставок.

Структура исследования состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, и двух приложений.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы опубликованы в 21 печатной работе, в которые входят шесть статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ для публикации основных научных результатов на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. В составе исследовательского коллектива соискателем подготовлена одна монография по результатам изучения могильника Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017], где авторский вклад Селина Д.В. составляет: страницы текста – 5-9; 107-126; 130-132; 134-135; 137-161, уточнение описаний погребальных комплексов (количество и расположение

находок в погребальных камерах, наклон стенок и дна могильных ям, размеры объектов, с. 10-106), уточнение планов погребальных комплексов (уточнение стратиграфии, количества находок и их расположение в погребальных камерах, размеров и разрезов могильных ям, рис. 4-98), подготовка иллюстраций (рис. 1-3; 99-120) и таблиц. Помимо этого, автором диссертационной работы опубликовано 10 статей в журналах, входящих в базу данных РИНЦ, и тезисы конференций. Некоторые результаты исследования и апробации методик, используемых в диссертации, освещались в докладах на всероссийских и международных конференциях, таких как: 52 Международная научная студенческая конференция (г. Новосибирск, 2014 г.), LIV Российская с международным участием археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (г. Красноярск, 2014 г.), XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (г. Ульяновск, 2014 г.), III Международная конференция молодых ученых (г. Москва, 2015 г.), 53 Международная научная студенческая конференция (г. Новосибирск, 2015 г.), Актуальная археология 3: Новые интерпретации археологических данных (г. Санкт-Петербург, 2016 г.), V Всероссийский археологический съезд (г. Барнаул-Белокуриха, 2017 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы исследования, формулируется цель и задачи работы, описываются хронологические, территориальные рамки и источниковая база, приведена расшифровка используемых в работе терминов, охарактеризованы применяемые методы, определена научная новизна и защищаемые положения.

Глава 1. История изучения пахомовских древностей Западной Сибири посвящена анализу истории изучения пахомовской культуры, описаны основные исследовательские концепции и выделены дискуссионные вопросы.

1.1. История изучения пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье

С момента выделения О.Н. Корочковой в 1987 г. пахомовская археологическая культура активно исследуется. К настоящему времени подготовлено и защищено три диссертационных работы (О.Н. Корочкова, В.М. Костомаров, Ал.Ал. Ткачев), в которых сформулированы собственные концепции авторов. Получили развитие и более частные вопросы изучения пахомовской культуры, такие как: изучение технологии гончарного производства, конструкции очажных устройств и жилищ.

Подобный исследовательский интерес вызван накоплением источниковой базы и дискуссионностью некоторых аспектов изучения пахомовской культуры. В ходе анализа в историографии выделен ряд таких вопросов. К ним относятся:

1. Территория формирования пахомовской культуры – 1) Притоболье (О.Н. Корочкова, Ал.Ал. Ткачев); 2) Ишимо-Иртышье (А.В. Матвеев, А.В. Полеводов, В.М. Костомаров).

2. Происхождение пахомовской культуры – 1) взаимодействие андроновской культуры и кротово-елунинских племен (О.Н. Корочкова); 2) контакты носителей позднефедоровских (черноозерских) и гребенчато-ямочных гончарных традиций (А.В. Матвеев, А.В. Полеводов, В.М. Костомаров); 3) взаимодействие населения андроновской и коптяковской культур (В.А. Зах, В.В. Илюшина); 4) взаимодействие населения федоровской и позднеташковской культур (Ал.Ал. Ткачев).

3. Соотношение пахомовской и сузгунской культур – 1) самостоятельные культуры (О.Н. Корочкова, А.В. Матвеев, В.М. Костомаров, Ал.Ал. Ткачев); 2) этапы одной культуры (сузгунской) (А.В. Полеводов).

4. Хронология пахомовской культуры – 1) XIV–XII вв. до н.э. (О.Н. Корочкова); 2) XIV–XI вв. до н.э. (А.В. Матвеев, В.М. Костомаров; В.И. Молодин); 3) XV (XIV ?)–XI вв. до н.э. (Ал.Ал. Ткачев); 4) (XIII) XII–XI (X) вв. д н.э. (А.В. Полеводов; А.А. Ткачев).

1.2. История изучения восточного варианта пахомовской культуры в Обь-Иртышском междуречье

Впервые на отличие отдельных погребальных комплексов среди ирменских и сузгунских материалов на территории Барабинской лесостепи обратил внимание В.И. Молодин. После проведения масштабных раскопок проблема своеобразия этих памятников поднимается вновь. Полученные данные позволили В.И. Молодину выделить новый таксон, названный «восточный вариант пахомовской культуры», предварительно определить его специфику и хронологию. В свою очередь, частично опубликованные материалы с этих памятников, прежде всего – из могильника Старый Сад, активно вовлекаются в различные исследования. В результате этого формируется ряд дискуссионных вопросов, по которым существует несколько альтернативных точек зрения, по-разному интерпретирующих данные. К ним относятся:

1. Культурная принадлежность памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1) восточный вариант пахомовской культуры (В.И. Молодин, В.В. Бобров, О.Н. Корочкова); 2) раннебегазинские комплексы (А.А. Ткачев); 3) культурная принадлежность затруднена (В.М. Костомаров; Ал.Ал. Ткачев).

2. Участие населения пахомовской культуры в формировании памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1). один из субстратов, лежащих в основе формирования (В.И. Молодин, В.В. Бобров, О.Н. Корочкова); 2). население пахомовской культуры не принимало участие в формировании данных комплексов (А.А. Ткачев, В.М. Костомаров; Ал.Ал. Ткачев);

3. Хронология памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1) эпоха поздней бронзы и переходное от бронзового к раннему железному веку

время (В.И. Молодин, В.В. Бобров), 2) «значительно более раннее время» (А.А. Ткачев.), 3) XIV–XIII вв. до н.э. (Ал.Ал. Ткачев).

Глава 2. Поселения восточного варианта пахомовской культуры

В главе дана характеристика поселенческих памятников в Барабинской лесостепи и Притарье, выполнен технико-технологический анализ керамики, приведены аналогии инвентарю и выделены характерные черты поселений.

2.1 Поселения долины р. Тартас

К настоящему моменту известно два поселения – Ложка-6 и Ходуненково-2. На первом поселении частично исследован котлован подпрямоугольного жилища каркасно-столбовой конструкции. Техничко-технологический анализ керамики (100 обр.) показал, что, в целом, технология изготовления посуды укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы, такие как: использование в качестве исходного сырья среднезапесоченных глин с минеральной примесью некалиброванного и калиброванного (0,5 до 2 мм) шамота и добавкой органического раствора. Наличие на памятнике рецептов без органических примесей и с добавкой песка может являться результатом смешения гончарной технологии населения, оставившего памятник Ложка-6, с технологией других культур конца эпохи бронзы, возможно – ирменской или сузгунской, для которых подобные рецепты являются достаточно распространенными. Наличие рецептов с дресвой указывает на неместную традицию изготовления посуды, связанную, по всей видимости, с бегазы-дандыбаевской культурой. Помимо этого, среди керамического комплекса выделяется небольшая группа посуды, которая может быть соотнесена с красноозерской культурой. Обнаруженные бронзовые изделия имеют достаточно широкую хронологию, включающую конец эпохи бронзы, и встречаются в ряде культур лесостепи, таких как пахомовская, еловская, ирменская. Сведения по памятнику Ходуненково-2 отрывочны, так как полевая документация и полученные материалы с памятника утрачены. Известно, что на поселении исследован край разрушенного жилища, где обнаружена керамика, сопоставленная с посудой, обнаруженной на могильнике Старый Сад.

2.2 Поселения долины р. Омь

К настоящему моменту в долине р. Омь известно одно поселение – Туруновка-4. В ходе раскопок изучено двухкамерное жилище, где первая камера подпрямоугольной формы в плане, а вторая – подквадратной. Общая площадь первой камеры составляет 28 м², а второй – 180 м². Большую часть керамической коллекции памятника составляет посуда позднеирменской культуры, фрагменты сосудов восточного варианта пахомовской культуры составляют небольшую, но выраженную выборку. Техничко-технологический анализ керамики (12 обр.) показал, что, в целом, для этих изделий характерна типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Вещевой комплекс поселения представлен

изделиями из глины и фрагментом бронзового котла, аналогии которому известны в материалах комплексов, датированных VIII–VII вв. до н.э.

2.3 Поселения долины р. Тара

К настоящему моменту в долине р. Тара известно четыре поселения – Прорва, Алексеевка-XXI, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3. На памятнике Прорва изучено одно подпрямоугольное жилище, размерами 9,6 × 9,3 м, углубленное в материк на 0,35–0,5 м. Техничко-технологический анализ керамики (50 обр.) продемонстрировал, что для большей части коллекции характерна типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Наличие рецептов без органических примесей и с добавкой песка могут являться результатом смешения с другими культурами конца эпохи бронзы, возможно ирменской или сузгунской.

На поселение Алексеевка-XXI по результатам раскопок изучено полностью одно жилище № 1 и частично – №№ 2 и 3. Жилище № 1 представляет собой котлован подпрямоугольной формы, размерами 2,2 × 5,5 м, вытянутый по линии С-Ю и углубленный в материк на 0,03-0,1 м. От жилища № 2 исследована незначительная часть котлована размерами 1,3 × 1,4 м, углубленного в материк на 0,15-0,35 м. Внутри котлована исследованы три хозяйственные ямы. Жилище № 3 примыкало к № 1 с юга. Раскопана часть конструкции, размерами 1,3 × 3,8 м и глубиной 0,1-1,2 м. В керамической коллекции исследователями памятника выделена посуда нескольких культур – пахомовской, сузгунской, позднесузгунской, ирменской, алексеевско-саргаринской и отмечен смешанный характер комплекса. Техничко-технологический анализ керамики (50 обр.) показал, что, в целом, для технологии изготовления посуды типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Наличие рецептов без органических примесей может являться результатом смешения с другими культурами конца эпохи бронзы, возможно ирменской.

Следует подчеркнуть, что поселения Прорва и Алексеевка XXI по совокупности признаков относятся к собственно пахомовской культуре. Однако, они являются первыми в цепочке памятников с пахомовской керамикой в Обь-Иртышском междуречье и Притарье, и, хотя орнаментация посуды и технология изготовления позволяют отнести эти памятники к собственно пахомовской культуре, эти памятники маркируют собой начало проникновения пахомовского населения на восток.

На поселении Новочекино-3 изучено два жилища. Жилище № 1 подквадратной формы, общая площадь составляет около 130 кв. м, котлован углублен в материк на 0,1-0,3 м. Жилище № 2 подпрямоугольной формы, площадь его примерно равна жилищу № 1. Для периода эпохи поздней бронзы на этом поселении зафиксирована керамика, сопоставимая с тремя археологическими культурами – ирменской, пахомовской и барабинским вариантом сузгунской культуры. Техничко-технологический анализ керамики

(30 обр.) показал, что, в целом, для технологии изготовления посуды характерна типично пахомовская традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Выбивается рецепт с добавкой дресвы, что указывает на неместную традицию изготовления посуды, связанную, по всей видимости, с бегазы-дандыбаевской культурой, так как в этой культуре искусственная примесь дресвы в формовочную массу распространена.

На поселении Нижняя Тунуска-3 зафиксировано несколько сосудов, которые можно отнести к восточному варианту пахомовской культуры.

Таким образом, к настоящему времени обнаружены семь поселений, на которых выявлены материалы восточного варианта пахомовской культуры. Из них на трех памятниках (Прорва, Алексеевка XXI, Ложка-6) восточнопахомовская керамика является доминирующей, что дает возможность отнести их собственно к этой культуре. На трех других поселениях (Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Туруновка-4) посуда восточного варианта пахомовской культуры малочисленна и обнаружена среди изделий других культур (ирменской, позднеирменской, барабинского варианта сузгунской культуры), что позволяет считать ее субстратной группой.

Выделены несколько черт поселенческих комплексов восточного варианта пахомовской культуры:

1. Котлованы жилищ подпрямоугольной формы;
2. Жилища представляли собой однокамерные каркасно-столбовые сооружения с углубленным в материк котлованом;
3. Внутри построек располагались хозяйственные объекты и очаги;
4. Внутри построек фиксируются следы ритуальных практик;
5. На площади поселений отсутствуют захоронения животных и человека.

Глава 3. Погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры

В главе дана характеристика погребальных памятников в Барабинской лесостепи, представлена классификация способов организации сакрального пространства и рвов, приведены результаты технико-технологического анализа керамики, указаны аналогии инвентарю и выделены характерные черты элементов погребальной практики.

3.1 Погребальные комплексы долины р. Тартас

К настоящему моменту в долине р. Тартас известно два памятника – Старый Сад и Тартас-1. Самым крупным и полно исследованным могильником как пахомовской культуры, так и ее восточного варианта, является Старый Сад, где раскопано 94 курганных насыпи, 75 из которых отнесены к восточному варианту пахомовской культуры. Изучено 69 погребений. Захоронение умерших проводились в специально подготовленных погребальных камерах (59 ед.) и в насыпях курганов (10 ед.). Эти способы встречаются на могильнике, как в разных, так и под одной земляной конструкцией, что позволяет говорить об их относительно

одновременном существовании. Форма могильных ям в 46 случаях (81 %) являлась подпрямоугольной, в двух – овальной (4 %), для девяти могил (15 %) однозначно конфигурацию установить не удалось. Ориентировка погребений по линии СЗ-ЮВ составила 33 случая (58 %), СВ-ЮЗ – 3 (5 %); по линии З-В – 2 (4 %). Для 19 погребений (33 %) ориентировку, из-за потревоженности, однозначно установить не удалось.

Погребальные камеры сильно повреждены, но, в нескольких случаях, удалось определить положение умерших в могилах:

1. Труположение, умерший расположен в погребальной камере на спине с подогнутыми вверх коленями – 2 случая;

2. Труположение, умерший расположен в погребальной камере скорченно на левом боку с подогнутыми коленями - 6 случаев;

3. Труположение, умерший расположен в погребальной камере скорченно на правом боку с подогнутыми коленями – 2 случая;

Обнаружено еще одно непотревоженное захоронение, в котором костяк взрослого человека лежит в среднем положении между скорчено на левом боку и на спине с подогнутыми вверх коленями.

Вторую группу составляют погребения, сооруженные в насыпях курганов (10 ед.). К моменту раскопок они представляли собой расположенные в земляных конструкциях на разной глубине разрозненные кости человека. Разница в глубине между отдельными фрагментами скелета могла достигать 0,7 м.

Под насыпью одного кургана обнаружен единственный на могильнике случай трупосожжения. Кальцинированные фрагменты костей человека располагались над прокалом, а рядом с ними обнаружен керамический сосуд.

Одной из особенностей погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры могильника Старый Сад является сооружение курганных насыпей без захоронений умерших. Зафиксировано 16 подобных случаев. Можно предположить, что подобные курганы являются кенотафами, однако, только в одном случае достаточно уверенно фиксируется наличие погребальной камеры с сопроводительным инвентарем, но без останков умершего. В других вариантах ямы или слишком малы, или отсутствуют вовсе.

Отдельного анализа требуют зафиксированные под насыпями курганов рвы (24 ед.). Проведена их классификация, в основу которой положена форма объектов в плане. Дробная классификация осуществлена по частным характеристикам, таким как наличие «разрывов». Выявлено три класса рвов – овальные, подквадратные и многоугольные. Овальная форма рвов встречается чаще других (14 ед.), в этом же классе фиксируется наибольшая вариабельность и в количестве «разрывов», насчитывающая пять видов. Подквадратная форма отмечена в восьми случаях. Рвы этого класса делятся на два вида, где присутствуют объекты с одним и тремя «разрывами», но отсутствуют полностью замкнутые и имеющие два «разрыва». К третьему классу отнесены два рва.

У населения восточного варианта пахомовской культуры было распространено использование огня в погребальной практике. Так, прокалы обнаружены под насыпями 29 курганов на могильнике Старый Сад. Интересен один курган, под насыпью которого выявлен участок прокаленной земли диаметром около 10 м. Подобные случаи обжигания площади погребальной конструкции известны в мавзолеях Северного Тагискена.

Чертой, отличающей могильник Старый Сад от известных некрополей пахомовской культуры Тоболо-Иртышья, является вариативность в способах организации сакрального пространства в пределах каждой курганной насыпи. Основываясь на классификационной схеме организации сакрального пространства, в основу которой положены данные о взаимовстречаемости объектов, обнаруженных в рамках одного погребального комплекса, выделены 16 видов организации сакрального пространства.

В целом, особенностями организации сакрального пространства населением восточного варианта пахомовской культуры (могильник Старый Сад) являются:

1. Видовая вариабельность (16 видов);
2. Разнообразие используемых объектов для создания сакрального пространства (кроме курганной насыпи – рвы, прокалы, ямы и др.);
3. Различие по форме и количеству объектов под каждой курганной насыпью.

В погребальных комплексах обнаружен инвентарь, включающий 59 керамических сосудов, 38 бронзовых, 2 костяных и 5 каменных изделий.

Проведенный морфологический анализ сосудов демонстрирует неустоявшуюся гончарную традицию формообразования, что фиксируется в непропорциональности изменений соотношений пропорций сосудов, в размытости «эталона», а также в наличии «сосудов-подражаний», составляющих большую часть коллекции (73 %). Количество «старых сосудов-подражаний», которые характерны для культур с устоявшейся гончарной традицией, составляет только 12 % (4 экземпляра). Техно-технологический анализ керамики (12 обр.) показал, что, в целом, для технологии изготовления посуды характерна типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Наличие рецептов с добавкой дробленого кальцита свидетельствует о смешении гончарной технологии, возможно, с населением бегазы-дандыбаевской культуры.

Количество бронзовых изделий составило 38 экземпляров. Особый интерес для анализа и поиска аналогий представляют такие артефакты, как: «хвостатый» (ковровый) нож, бронзовые бляшки, заколка с ромбическим ажурным навершием, фрагмент стремечковидных удил.

«Хвостатый» (ковровый) нож имеет короткий вогнутый обушок и выпуклое выгнутое лезвие, плавно переходящее в короткую рукоять. На территории Сибири они встречаются редко и известны на памятниках Жар-Агач и Еловском II могильнике. Значительно больше аналогий можно

обнаружить в Средней Азии. Так, ковровые ножи найдены в погребальных комплексах Юго-Западного Туркменистана на памятниках Сумбар I, Пархай I, Кангуртут. Такие параллели свидетельствуют о южных связях скотоводческого населения юга Западной Сибири с земледельцами Средней Азии, и, возможно, что уже не раз отмечалось исследователями, о проникновении на юг северных скотоводов и их контактов с местным населением.

Обнаруженные бляшки делятся по способу крепления: со шпеньком (7 ед.) и с петлей (6 ед.). Аналогичные изделия широко представлены на памятниках как восточного варианта пахомовской культуры (могильник Гришкина Заимка), так и западных памятниках этой культуры, таких как: могильник Черноозерье II, поселениях Инберень IV и Жар-Агач. Кроме того, подобные изделия распространены на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы. Близкие аналогии им известны в Еловском I и Еловском II могильниках, памятниках сузгунской, ирменской, карасукской, бегазы-дандыбаевской культур. Важно отметить, что бляшки петельчатые и со шпеньком встречаются на памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального Казахстана, где они датируются VIII-VII вв. до н.э., а также раннескифского времени равнинного Алтая, Забайкалья и Северного Китая.

Бронзовая булавка представляет собой тонкий бронзовый стержень длиной 9,7 см, круглый в сечении, увенчанный навершием, которое имеет вид слегка вытянутого по вертикали ромба, снабженного по углам кружками правильной формы. Близкий предмет найден современными бугровщиками на памятнике Инберень-VI, который датируется VIII-VII вв. до н. э. Еще две бронзовые булавки из Прииртышья происходят из Омской Стоянки в г. Омске. Чрезвычайно близкой аналогией булавкам из Старого Сада и Инберени-VI является изделие из могильника Северный Тагискен в Приаралье, который датируется IX-VIII вв. до н. э. Более южные параллели известны на памятниках сумбарской культуры, например, могильниках Сумбар I, Сумбар II и Пархай I.

Фрагмент стремечковидных удил является, скорее всего, частью неудавшейся отливки. Большинство исследователей единодушны в констатации того факта, что подобный тип вещей относится к раннескифскому времени, и удила следует датировать VIII-VII (VI) вв. до н.э. или концом IX-VIII вв. до н.э. Ближайшие аналогии стремечковидным удилам найдены в Восточноказахстанском Прииртышье на могильнике Измайловка внутри ограды бегазы-дандыбаевского погребального комплекса, отнесенного к IX-VII вв. до н.э. Далее на юго-запад аналогичные удила известны в могильниках Южный Тагискен и Уйгарак, датируемых в пределах VIII (VII)-VI вв. до н.э.

На комплексе памятников Тартас-1 обнаружено четыре погребальных комплекса, которые могут быть с уверенностью отнесены к восточному варианту пахомовской культуры. Погребальные камеры ориентированы по

линиям В-3 и СВ-Ю3. Костяки умерших плохо сохранились, что не дает возможности однозначно судить об их расположении. Изученная погребальная конструкция состоит из двух рвов, окружающих шесть ям. Подобные конструкции, включающие в себя ров, ямы, но без захоронений умерших, также известны на памятнике Старый Сад, однако специфика этого комплекса заключается в наличии двух рвов, где один опоясывает другой. Помимо этого, обнаружено три ямы, содержащие керамику, относимую к восточному варианту пахомовской культуры. Судя по всему, они связаны с погребениями и погребальными конструкциями и формируют особое сакральное пространство, однако судить об этом более точно затруднительно, так как надмогильные сооружения на памятнике Тартас-1 разрушены. По той же причине не представляется возможным с уверенностью определить взаимосвязь объектов, сакрализующих пространство, что не дает возможность составить подробную классификационную схему организации сакрального пространства. Два рва, обнаруженных в погребальном комплексе, овальной формы и имеют один и четыре «разрыва» соответственно.

Технико-технологический анализ керамики (2 обр.) показал, что, в целом, для технологии изготовления посуды характерна типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Обнаруженные бронзовые изделия (игла и две бляшки со шпеньком) были распространены на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы и встречаются на памятниках различных культур.

3.2 Погребальные комплексы долины р. Оми

К настоящему моменту известно четыре могильника – Гришкина Заимка, Преображенка-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз. На памятнике Гришкина Заимка изучено две погребальные конструкции и семь захоронений. Общей чертой является сходная форма и конструкция погребальных камер, размеры которых предопределялись ростом умершего. Устойчивыми чертами погребальной практики является помещение умерших в могиле на левом боку, в скорченном положении и крайне неустойчивая ориентация погребальных камер. Особенностью является также дифференциация погребального инвентаря в могилах и необязательное помещение в них сосудов, хотя последние явно использовались в других эпизодах погребального обряда, так как сосуды располагались во рву и в яме. Организация сакрального пространства вписывается в систему, выявленную для могильника Старый Сад, выделяется только наличие шести погребений под одной насыпью. Исследованный ров имеет овальную форму с двумя «разрывами», что также согласуется с уже известными классами и видами.

Технико-технологический анализ керамики (5 обр.) показал, что, в целом, для технологии изготовления посуды характерна типичная для пахомовской культуры традиция отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Обнаруженный бронзовый инвентарь (нож, бляшки,

серьга) был распространен на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы и встречается на памятниках различных культур.

На памятнике Преображенка 3 изучено 110 курганных насыпей, большая часть которых относится к ирменской культуре, однако выделяется одно погребение в насыпи андроновского кургана и одно коллективное захоронение под земляной конструкцией, которые могут быть связаны с восточным вариантом пахомовской культуры. Погребения в насыпи встречаются у населения восточного варианта пахомовской культуры и известны на памятниках Старый Сад и Гандичевский совхоз. Второе захоронение, содержащее скелеты семи умерших, является единственным известным к настоящему моменту объектом подобного типа на памятниках восточного варианта пахомовской культуры. Коллективные погребения имеются в собственно пахомовской культуре и встречаются как на могильниках, так и на поселениях. Организация сакрального пространства вписывается в систему, выявленную для могильника Старый Сад.

Погребальный инвентарь насчитывает шесть керамических сосудов. Для двух сосудов проведен микроскопический анализ исходного сырья и составов формовочной массы. В целом, исходное сырье и состав формовочной массы этих сосудов является типичным для пахомовской культуры и ее восточного варианта.

Курганный могильник Абрамово-4 представляет собой совокупность одновременных некрополей, включающий захоронения эпохи бронзы и раннего железного века, где к восточному варианту пахомовской культуры, можно отнести три кургана, не содержащих под собой явных следов погребения умерших. В одном из курганов в насыпи обнаружена челюсть человека без других частей скелета и без сопроводительного инвентаря. Интерпретировать данную находку как разрушенное погребение затруднительно, так как при раскопках данного кургана не зафиксировано следов проникновения грабителей. Судя по всему, она указывает на особенности погребальной практики соорудившего данный объект населения. Два других кургана представляют собой погребальные конструкции, содержащие рвы и прокалы, но без погребальных камер. Организация сакрального пространства вписывается в систему, выявленную для могильника Старый Сад, исключением является один из курганов, где под насыпью обнаружено два прокала. Исследованный ров имеет подквадратную форму с четырьмя «разрывами». Подквадратные рвы известны на памятнике Старый Сад, однако ни в одном случае они не имеют четырех разрывов.

Погребальный инвентарь насчитывает три керамических сосуда. Техничко-технологический анализ керамики (2 обр.) показал, что, в целом, гончарная технология типична для пахомовской культуры и ее восточного варианта за исключением замены органического раствора на навоз. Рецепты формовочной массы с навозом изредка встречаются в технологии керамики

пахомовской культуры и ее восточного варианта, однако не являются для нее ведущими.

3.3 Погребальные комплексы долины р. Каргат

На могильнике Гандичевский совхоз изучено три кургана восточного варианта пахомовской культуры, которые составляют самостоятельную группу, не соприкасаясь и не накладываясь на насыпи андроновской (федоровской) и ирменской культур. Три захоронения восточного варианта пахомовской культуры – одиночные. Они не потревожены и располагаются на уровне погребенной почвы или в насыпи кургана. Умерших укладывали на левый или правый бок, головой на ЮВ, ЮЗ и СВ. Организация сакрального пространства вписывается в систему, выявленную для могильника Старый Сад.

Технико-технологический анализ керамики (2 обр.) показал наличие в составе формовочной массы примесей дресвы из кварцита и песка, которые не характерны для пахомовской культуры. Это указывает на то, что посуда или привозная, или изготовлена по смешанной гончарной традиции. Примесь песка распространена в гончарной технологии ирменской и позднеирменской культур. Добавка дресвы так же встречается в составе формовочной массы этих культур, однако она может быть связана с гончарной традицией бегазы-дандыбаевской культуры, для гончарства которой так же характерно наличие дробленой породы.

Гандичевский совхоз является самым восточным памятником для восточного варианта пахомовской культуры и свидетельствует о продвижении групп пахомовского населения на восток. Наличие на памятнике нескольких курганов ирменской культуры позволяет предполагать, что и ирменский, и восточнопахомовский некрополи существовали одновременно, и использовались по сути смешанным ирменско-восточнопахомовским населением. В пользу этого говорят отмеченные черты автохтонной погребальной практики (захоронение умерших на погребенной почве) и наличие характерных для ирменской культуры примесей песка в формовочную массу.

Таким образом, можно выделить несколько характерных черт погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры:

1. Умершие захоронены в погребальных камерах индивидуально (за исключением двух захоронений на памятниках Старый Сад и Преображенка-3);
2. Характерный способ захоронения – труположение;
3. Могилы расположены под курганными насыпями (кроме случаев, когда они, скорее всего, были уничтожены в ходе хозяйственного освоения);
4. Погребальный инвентарь представителен и включает в себя керамические и бронзовые изделия, фрагменты глиняных, костяных и каменных изделий;

5. Организация сакрального пространства вариативна и включает в себя до 16 различных видов, зафиксированных на одном памятнике (Старый Сад);

6. Погребальный обряд синкретичен и включает в себя элементы практик пахомовской, ирменской, бегазы-дандыбаевской и более южных культур, оставивших такие памятники как Северный Тагискен.

Глава 4. Культурный комплекс восточного варианта пахомовской культуры

Для восточного варианта пахомовской культуры объекты, которые можно причислить к культурным, выявлены на памятнике Тартас-1. Этот комплекс обнаружен в восточной части памятника и примыкает к старице р. Тартас. К настоящему моменту изучено 2175 м², на которых обнаружены системы ям, среди которых четко выделяются столбовые, хозяйственные и, возможно, ритуальные. Уверенно можно выделить остатки найденного сооружения № 1, зафиксированного в виде комплекса ям различной величины, формы и глубины. Форма конструкции в плане близка к прямоугольной, размерами около 10,6 × 17 м. Помимо остатков столбов, внутри постройки располагались семь крупных ям, в которых обнаружена керамика восточнопахомовского облика и фрагменты костей животных. Особо следует отметить, что внутри этой постройки обнаружены фрагменты тазовых костей человека. Эти находки человеческих костей в пределах комплекса являются не единственными. В небольшой овальной яме в заполнении, вместе с фрагментами восточнопахомовской керамики, обнаружена пяточная кость взрослого человека. В непосредственной близости от ритуального комплекса выявлена площадка, на которой расположены остатки пяти печей. В заполнении зафиксированы фрагменты тиглей, литейных форм, обмазки. Это может свидетельствовать о массовости производства бронзовых изделий населением восточного варианта пахомовской культуры.

Специфической деталью анализируемых комплексов является наличие в объектах внутри систем столбовых ям «прикладов» бронзовых изделий. Всего в таком контексте обнаружены два наконечника копий, кельт, наконечник стрелы и бусы. Следует отметить, что одно из копий было намеренно испорчено.

Помимо этого, рядом с выделенной подпрямоугольной конструкцией изучено несколько погребений и ям, которые могут иметь взаимосвязь с анализируемым культурным комплексом. Особый интерес представляет ряд погребений, примыкающих к подпрямоугольной каркасно-столбовой конструкции № 1. Погребальные камеры – подпрямоугольные в плане ямы, ориентированные продольной осью по линии СЗ–ЮВ, размерами 0,97–1,84 × 0,36–0,6 м и глубиной 0,1–0,2 м. Антропологические остатки представлены единичными разрозненными костями умерших, которые несут на себе явные следы посмертных манипуляций. находка обнаружена в одном захоронении и является бронзовой бляшкой-пуговицей.

Технико-технологический анализ керамики (148 обр.) позволил выделить три группы посуды. К первой относится керамика восточного варианта пахомовской культуры (121 обр.), характеризующаяся использованием в качестве исходного сырья средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью в формовочную массу шамота и органического раствора (возможно, из навоза жвачных животных). В целом, технологически данная группа полностью совпадает с керамикой собственно пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье, для которой характерны те же навыки отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Вторая группа представлена керамикой бегазы-дандыбаевской культуры (3 обр.), для которой характерно использование в качестве исходного сырья слабозапесоченной глины. В качестве добавки в формовочную массу использовалась дресва из гранито-гнейсовых пород и известняка. Подобная рецептура характерна для гончарства бегазы-дандыбаевской культуры. Искусственная примесь известняка также зафиксирована при технико-технологическом анализе керамики памятника Дандыбай. Третья группа представлена керамикой со смешанными навыками отбора исходного сырья и составления формовочной массы, сложившаяся в результате взаимодействия населения восточного варианта пахомовской культуры и бегазы-дандыбаевского (20 обр.). Она характеризуется использованием средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью в формовочную массу шамота, дресвы (из гранита и известняка) и органического раствора. Особо следует выделить фрагмент керамики, изготовленный с применением гончарного круга. Он залегал совместно с посудой восточного варианта пахомовской культуры. Круговая керамика характерна для территории Средней Азии в эпоху Намазга VI и встречается вместе с бегазы-дандыбаевской посудой. В других регионах круговая керамика массово встречается на памятниках бурлинского типа в Кулундинской степи, где также обнаружена совместно с бегазы-дандыбаевской посудой и датируется кон. XIII–XI (X) вв. до н.э.

Обнаруженный бронзовый инвентарь (два наконечника копья, кельт, наконечник стрелы, бусы) был распространен на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени.

По результатам исследования комплекса можно выделить несколько аргументов, указывающих на его культовый статус:

1. Отсутствие на площади комплекса хозяйственных объектов, характерных для поселений – очагов и хозяйственных ям;
2. Присутствие на комплексе специально выделенной площадки для осуществления производственной деятельностью;
3. Находки внутри конструкций и в объектах бронзовых вещей без следов использования, в некоторых случаях намеренно испорченных;

4. Обнаружение внутри конструкции № 1 фрагментов тазовой и пяточной кости человека, которые могут являться следами ритуальных практик или жертвоприношений (?);

5. Расположение в непосредственной близости от комплекса захоронений, несущих следы посмертных манипуляций;

6. Общая локализация комплекса в непосредственной близости от захоронений восточного варианта пахомовской культуры и некрополей синхронных и более ранних культур Барабы.

Все вышесказанное, на наш взгляд, позволяет еще раз подчеркнуть особый статус комплекса и интерпретировать данный участок памятника как ритуальный.

Глава 5. Культурная принадлежность и хронология

В главе представлены результаты типологического исследования керамических изделий, приведен широкий круг аналогий керамическим и бронзовым изделиям, проанализирована культурная принадлежность и хронология описанных ранее памятников.

5.1 Культурная принадлежность

Проведена типология сосудов. В ее основу положена форма изделий, где ориентиром выступают фиксируемые для восточнопахомовской керамики более древние, андроновские (федоровские) традиции, такие как – высокое приплюснутое тулово, широкая низкая слегка отогнутая горловина, узкое дно. Для посуды культур эпохи поздней бронзы (ирменской, карасукской, бегазы-дандыбаевской) характерно более широкое раздутое тулово, практически вертикальная широкая горловина и широкое дно. В отдельные группы вынесены фиксируемые промежуточные и оригинальные формы. По результатам типологического анализа выделено 11 групп, что свидетельствует о синкретизме керамической коллекции.

Анализ орнаментальных мотивов показал, что выделяются монотонные и геометрические узоры. К первым относятся ряды наклонных и вертикальных оттисков штампа, «елочка», ряды оттисков уголкового штампа, желобки и валики. К геометрическим – причисляются ряды треугольников, ромбов, зигзаги, вертикальные пояса, заполненные оттисками штампа, и меандры. В целом, для орнаментации восточнопахомовской посуды, также как для технологии и морфологии, характерен синкретизм. На сосудах встречаются узоры, распространенные в разных синхронных археологических культурах юга Западной Сибири, такие как: горизонтальные ряды ромбов и треугольников, горизонтальные пояса, заполненные оттисками штампа, и меандровидные узоры. Помимо этого, в декоре восточнопахомовской посуды присутствуют специфичные для пахомовской культуры мотивы: косые насечки, нанесенные по желобку в месте перехода горловины к плечу, обрамление геометрических фигур «бахромой», наличие диагональных «лесенок» и рядов оттисков уголкового штампа, что указывает на взаимосвязь этих двух культурных образований.

Крайне важно, что аналогичные сосуды (доходящие практически до полного тождества) всем выделенным типологическим группам найдены на памятниках собственно пахомовской культуры, таких как Пахомовская Пристань I, Инберень-IV, Ново-Шадрино VII, Оськино Болото, Святой Бор, Ук III, могильники Лихачевский и Черноозерье II.

В пользу близости керамики пахомовской культуры и восточного варианта свидетельствует технология изготовления керамики. Для керамики пахомовской культуры характерными технико-технологическими навыками отбора исходного сырья и составления формовочной массы являются: 1) отбор среднезапесоченного ожелезненного глинистого сырья без естественных органических примесей и с примесью фракций бурого железняка; 2) использование в качестве органической примеси органического раствора из навоза жвачных животных; 3) использование в качестве минеральной примеси некалиброванного и калиброванного до 2 мм шамота в концентрации 1:5-7. Для технологии изготовления керамики восточного варианта пахомовской культуры характерен отбор среднезапесоченного ожелезненного глинистого сырья без естественных органических примесей с примесью фракций бурого железняка. В качестве органической примеси в формовочную массу добавлялся раствор из навоза жвачных животных. Как минеральная примесь использовался некалиброванный и калиброванный до 2 мм шамот в концентрации 1:5-7, что полностью согласуется с характерными технико-технологическими навыками, выделенными для пахомовской культуры. Помимо этого, в традиции составления формовочной массы выделяются рецепты, где в исходное сырье добавляется дресва из гранитоидов или известняков. Данная традиция не является характерной для пахомовской культуры и связана, по всей видимости, с кругом южных популяций, таких как бегазы-дандыбаевская и алексеевско-саргаринская, для которых данные примеси являются распространенными. Все вышесказанное позволяет утверждать, что сходство технологии изготовления керамики пахомовской культуры и восточного варианта является не общеэпохальным явлением, а следствием генетической близости. Это, в свою очередь, позволяет предположить факт передвижения части пахомовского населения на территорию Барабинской лесостепи и адаптации пришельцев в местной среде.

Однако, несмотря на общее сходство, керамика восточного варианта пахомовской культуры обладает несомненным колоритом. Так, посуда пахомовской культуры представлена, в большей своей части, плоскодонными горшками высоких пропорций с невысокой, слегка отогнутой горловиной, плавно переходящей в слегка раздутое тулово. Баночные сосуды встречаются крайне редко, круглодонные изделия сопровождается короткая вертикальная неорнаментированная горловина. В свою очередь, керамика восточного варианта пахомовской культуры характеризуется, в основном, низкой высотностью, низко- и широкогорлостью, прямой или слегка отогнутой горловиной, приплюснутым туловом, высоким расположением плечика.

Помимо этого, большинство из известных изделий – плоскодонные и горшковидные. Что касается орнаментальных композиций, то для 26 % полных форм керамики, включенных в типологию, характерна неорнаментированная горловина, что для пахомовской культуры является скорее исключением, тем более что она сочетается с круглым дном. Кроме того, в пахомовской культуре к настоящему времени не зафиксировано сосудов, орнаментированных исключительно поясами, заполненными оттисками гребенчатого штампа, в то время как на восточнопахомовских памятниках подобные изделия известны в погребальных комплексах Старого Сада, Тартаса-1 и Гришкиной Заимки. Так же, практически полностью отсутствуют ряды ямок, выполнявших функцию разделителя узоров.

Помимо параллелей с пахомовской культурой в материальной культуре восточнопахомовского населения фиксируются и черты других синхронных культур. Сходство с бегазы-дандыбаевской культурой проявляется в орнаментации керамики (неорнаментированная горловина, украшающие тулово решетчатые пояса и ромбы, крупные треугольники-фестоны по тулову), наличии серии неорнаментированных емкостей, использовании при составлении формовочной массы дробленого гранита и известняка (кальцита), элементах погребальной практики (сооружение вокруг погребений подпрямоугольных оград, ограждающих сакральное пространство) и наличии станковой керамики. Некоторые параллели намечены с «культурой Северного Тагискена», в которые входит сходство по форме и орнаментации некоторых керамических сосудов, обжигание погребальной площадки перед сооружением кургана, а также наличие специфичных типов бронзовых изделий (булавка с ромбическим навершием). С сумбарской культурой в Центральной Азии параллели прослеживаются в бронзовом инвентаре, в первую очередь, в наличии на восточнопахомовских памятниках таких изделий, как хвостатый (ковровый) нож и булавка с ажурным навершием. Сходство с ирменской культурой проявляется как в керамическом материале (наличие рецептов формовочной массы с искусственной добавкой песка, использование свисающих по плечу и тулову фестонов в виде равнобедренных треугольников), так и в элементах погребальной практики (расположение умерших на погребенной почве). Сходство восточного варианта пахомовской культуры с сузгунской культурой проявляется, в первую очередь, в наличии горизонтальных опоясывающих рядов ямок, расположенных на горловине, плече и тулове сосуда. Подобный орнаментальный мотив является одной из характерных черт керамики сузгунской культуры.

Таким образом, восточный вариант пахомовской культуры является особым культурным образованием, для которого характерен синкретизм. Он характеризуется наличием оригинального керамического комплекса, являющегося продуктом синтеза гончарных традиций пахомовского, бегазы-дандыбаевского и сузгунского населения; использованием погребального обряда, включающего вариативность в способах организации сакрального

пространства, разнообразие рвов; наличием захоронений умерших в могилах и на погребенной почве по обряду трупоположения; наличием в Барабинской лесостепи крупных ритуальных комплексов. Помимо этого, проведенные антропологические и генетические исследования позволили определить, что антропологический тип восточнопахомовского населения свидетельствует не об ирменской, а об андроновской основе и о притоке населения из бегазы-дандыбаевских племен [Чикишева, 2012], а генофонд, включает в себя генетические субстраты автохтонных доандроновских и пришлых андроновских популяций [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012].

5.2 Хронология восточного варианта пахомовской культуры

Выявлено, что нижнюю границу существования данного культурного образования маркируют погребальные комплексы памятника Гришкина Заимка, датированные по совокупности хронологии бронзовых изделий и радиоуглеродных данных периодом XV–XIII вв. до н.э. Собственно пахомовская культура складывается в Тоболо-Иртышском междуречье в XIV в. до н.э., что может свидетельствовать о достаточно раннем проникновении групп пахомовского населения в Барабинскую лесостепь и Притарье. Верхнюю границу маркирует фрагмент бронзовых стремечковидных удил (могильник Старый Сад), которые надежно датируются переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку, т.е. сер. IX–VIII вв. до н.э. На этот хронологический период указывают и серия бляшек со шпеньком, булавка с ромбическим ажурным навершием (могильник Старый Сад), нож раннетагарского облика и позднеирменская керамика, залежавшая совместно с восточнопахомовской (Тартас-1). Таким образом, восточный вариант пахомовской культуры в целом следует датировать в пределах XIV–VIII до н.э.

В развитии этого культурного образования выделены два этапа. 1) ранний (XIV–X вв. до н.э.); 2) поздний (X–VIII вв. до н.э.). На раннем этапе группы пахомовского населения проникают в правобережное Прииртышье, что маркируется появлением таких памятников, как Прорва, Алексеевка XXI и Гришкина Заимка. Далее, по двум основным водным магистралям – рекам Омь и Тара, продвигаются вглубь Барабинской лесостепи и Притарья (восточнопахомовская керамика зафиксирована на таких памятниках как Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3). В это время материальная культура этого населения еще не приобретает черт, характерных для культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, к которым относится появление специфичного набора инвентаря (бляшки со шпеньком, стремечковидные удила, бронзовые ножи раннетагарского облика). Кроме того, отсутствуют свидетельства контактов с популяциями южных культур и южные импортные вещи. На позднем этапе материальная культура пришлого населения изменяется под действием эпохальных тенденций и в результате взаимодействия с населением других культурных групп, как автохтонных, так и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направлений. К эпохальным тенденциям можно отнести появление

специфичного для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку набора бронзового инвентаря – бляшки со шпеньком, булавка с ажурным навершием и стремечковидные удила, а на памятнике Тартас-1 – нож раннетагарского облика. В орнаменте керамической посуды появляются характерные элементы переходного периода – геометрические мотивы ромба и треугольника, скомпонованные в ряды, пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа. Так же, на переходное время указывают и особенности погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры, для которой характерна высокая вариабельность в способах организации сакрального пространства. В это время население восточного варианта пахомовской культуры активно взаимодействует с группами бегазы-дандыбаевской культуры, что проявляется в материальной культуре (синкретизм керамической технологии и орнаментации, появление импортных южных бронзовых изделий) и в погребальной практике. Кроме того, результаты антропологических и генетических исследований индивидов восточного варианта пахомовской культуры с памятника Старый Сад демонстрируют сложность антропологического состава популяции и связь женской группы с бегазы-дандыбаевским населением [Чикишева, 2012; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012].

Возможно, что пахомовское население продвигалось на восток по двум направлениям, связанным с двумя наиболее крупными водными артериями – реками Омь и Тара. Судя по локализации памятников, группы пахомовского населения в начале обосновались в правобережном Прииртышье, а затем, постепенно двигались вдоль этих рек вглубь региона. Первая группа двигалась вдоль р. Тара, где взаимодействовала и сосуществовала с населением барабинского варианта сузгунской и ирменской культурами, что прослежено на памятниках Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3. Вторая группа мигрантов продвигалась по р. Омь. Начальный этап проникновения пахомовского населения прослежен по результатам изучения памятника Гришкина Заимка. В дальнейшем эти группы продолжают двигаться на восток, где в центральной части Барабинской лесостепи в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время начинают активно взаимодействовать с населением бегазы-дандыбаевской культуры, в результате чего появляется синкретичная керамика, импорт южных бронзовых вещей, изменяется погребальный обряд и сооружаются крупные некрополи, такие как Старый Сад. Кроме того, носители восточного варианта пахомовской культуры активно контактируют с населением автохтонной позднеирменской и пришлой с севера сузгунской культурами, в результате чего так же появляются синкретичные керамические изделия и фиксируются случаи совместного залегания керамики этих культур на одних памятниках в одних объектах.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования и сформулированы обобщающие выводы.

Восточный вариант пахомовской культуры является особым культурным образованием, в сложении которого принимало участие, в той или иной степени, несколько культурных групп, таких как пахомовская, бегазы-дандыбаевская, сузгунская, ирменская, позднеирменская. Синкретизм проявляется в гончарной технологии, морфологии и орнаментации керамических изделий, наборе бронзового инвентаря, элементах погребальной практики, антропологическом и генетическом своеобразии популяции.

В сложении восточного варианта пахомовской культуры не принимало прямого участия население карасукской и еловской культур, а некоторые параллели между ними в материальной культуре являются следствием эпохальных тенденций в развитии культур эпохи поздней бронзы – переходного к раннему железному веку времени.

Восточный вариант пахомовской культуры в целом следует датировать в пределах XIV-VIII до н.э. В развитии этого культурного образования выделены два этапа. 1) ранний (XIV–X вв. до н.э.); 2) поздний (X–VIII вв. до н.э.). На раннем этапе материальная культура этого населения еще не приобретает черт, характерных для культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, к которым относится появление специфичного набора инвентаря (бляшки со шпеньком, стремечковидные удила, бронзовые ножи раннетагарского облика). Кроме того, отсутствуют свидетельства контактов с популяциями южных культур и южные импортные вещи. На позднем этапе материальная культура пришлого населения изменяется под действием эпохальных тенденций и в результате взаимодействия с населением других культурных групп, как автохтонных, так и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направлений.

Возможно, пахомовское население продвигалось на восток по двум направлениям, связанным с двумя водными артериями – реками Омь и Тара. Судя по локализации памятников, группы пахомовского населения в начале обосновались в правобережном Прииртышье, а затем, двигались вдоль этих рек вглубь Барабинской лесостепи и Притарья. Первая группа проникала вдоль р. Тара, где взаимодействовала и сосуществовала с населением барабинского варианта сузгунской и ирменской культурами. Вторая часть мигрантов продвигалась по р. Омь. В дальнейшем, эта группа продолжает двигаться на восток, где, в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время, начинает активно взаимодействовать с населением бегазы-дандыбаевской культуры, в результате чего появляется синкретичная керамика, импорт южных бронзовых вещей, изменяется погребальный обряд и сооружаются крупные некрополи, такие как Старый Сад. Кроме того, носители восточного варианта пахомовской культуры активно контактируют с населением автохтонной позднеирменской и пришлой с севера сузгунской культурами, в результате чего так же появляются синкретичные

керамические изделия и фиксируются случаи совместного залегания керамики этих культур на одних памятниках в одних объектах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем 33,82 п.л., авторский вклад – 14,21 п.л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки

1. **Селин Д. В.** Особенности состава формовочных масс керамики бегазы-дандыбаевской культуры памятника Дандыбай (Центральный Казахстан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 15, № 7: Археология и этнография. – С. 97-105. (0,9 п.л.).
2. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., **Селин Д. В.** Бронзовая булавка из комплекса восточного варианта пахомовской культуры и ее аналогии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 3: Археология и этнография. – С. 48–54 (0,9 п.л., авторский вклад 0,3 п.л.).
3. **Селин Д. В.** Результаты анализа рецептов формовочных масс керамики населения восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 7: Археология и этнография. – С. 60–73 (1,5 п.л.).
4. Молодин В. И., Сидоров Е.А., Мыльникова Л. Н., **Селин Д. В.** Погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Гандичевский совхоз (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5: Археология и этнография. – С. 124-135 (1,2 п.л., авторский вклад 0,4 п.л.).
5. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Гаркуша Ю. Н., **Селин Д. В.** Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1 (43). – С. 47–60. (1,6 п.л., авторский вклад 0,4 п.л.).
6. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., **Селин Д. В.**, Нескоров А. В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3 (59). – С. 29–45. (1,84 п.л., авторский вклад 0,6 п.л.).

Монографии:

7. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., **Селин Д.В.**, Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. - Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 180 с. (20,93 п.л., авторский вклад 8 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов

8. Ефремова Н. С., Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Васильев С. К., Дураков И. А, **Селин Д. В.** Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314-317. (0,4 п.л., авторский вклад 0,06 п.л.).

9. Ефремова Н. С., **Селин Д. В.**, Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Керамика ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры: результаты исследований 2017 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 318-322. (0,4 п.л., авторский вклад 0,1 п.л.).

10. Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Кобелева Л. С., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Демахина М. С., **Селин Д. В.** Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2016 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 348-352. (0,4 п.л., авторский вклад 0,06 п.л.).

11. **Селин Д. В.** Классификация рвов могильника Старый Сад (Барабинская лесостепь, восточный вариант пахомовской культуры) // Актуальная археология 3. новые интерпретации археологических данных. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2016. – С. 169–173. (0,4 п.л.).

12. Молодин В. И., Мыльников В. П., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А., **Селин Д. В.**, Мыльникова Л. Н. Комплексное изучение археологии голоцена Обь-Иртышья и сопредельных территорий // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – С. 34-36. (0,6 п.л., авторский вклад 0,1 п.л.).

13. **Селин Д. В.** Анализ формовочной массы керамики населения восточного варианта пахомовской культуры (по материалам памятника Старый Сад, Барабинская лесостепь) // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – С. 62-64. (0,1 п.л.).

14. **Селин Д. В.** Морфологический анализ сосудов андроновской (федоровской) культуры Еловского II могильника // Материалы LV Российской археолого–этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 105–107. (0,3 п.л.).

15. Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Социальная иерархия носителей восточного варианта пахомовской культуры (по материалам могильника Старый Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 350-354. (0,4 п.л., авторский вклад 0,2 п.л.).

16. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Мыльников В. П., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А., Селин Д. В. Междисциплинарные исследования археологических комплексов эпохи бронзы -раннего железного века Обь-Иртышского междуречья и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 99–114. (1 п.л., авторский вклад 0,14 п.л.).

17. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Морфологический анализ сосудов эпохи поздней бронзы памятника Крохалевка-13 // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 67-69. (0,15 п.л., авторский вклад 0,05 п.л.).

18. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Сосуды восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад: морфологический анализ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014 – Т. XX. – С. 227–231. (0,4 п.л., авторский вклад 0,2 п.л.).

Материалы конференций и тезисы докладов

19. Селин Д. В. Статусные захоронения в эпоху поздней бронзы (по материалам могильника Старый Сад) // Мат-лы 53–й Междунар. науч. студ. конф: Археология. – Новосибирск, 2015. – С. 54–56. (0,1 п.л.).

20. Селин Д. В. Морфологический анализ сосудов эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад // Мат-лы 52–й Междунар. науч. студ. конф: Археология. – Новосибирск, 2014. – С. 73–74. (0,1 п.л.).

21. Селин Д. В. Керамика восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1: статистическое исследование // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск, Изд-во: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 142–145. (0,2 п.л.).